

Л. Л. Михайловская. Размышление над книгой: Ursula Augustyniak. Historia Polski. 1572 – 1795. / Михайловская Л. Л. // Российские и славянские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 5 /Редкол.: О. А. Яновский (отв. ред.) и др. — Мн.: БГУ, 2010. — С.325–336.

Л. Л. Михайловская

URSULA AUGUSTYNIAK. HISTORIA POLSKI. 1572—1795. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 2008. 1005 s. Naklad 2500 ekz.

Исследование Уршули Аугустыняк представляет собой фундаментальный труд (его общий объем 63 п. л.), в котором рассматривается история Речи Посполитой от ее образования до разделов. На фоне других многочисленных работ по данному периоду истории Польши оно выделяется синтетическим характером и содержит глубокий анализ всех аспектов развития и взаимодействия государства и общества — экономики, социальной структуры, политической организации, культуры, костела. Автор создает полное представление о функционировании полиэтнического государственного образования, в котором ведущей тенденцией являлось преобладание польской социальной модели и идеологии, независимо от экономических, правовых, конфессиональных особенностей его населения. Доминирующая роль польской шляхты в политической жизни и польского языка в развитии культуры подчеркивается и в названии монографии — «История Польши. 1572—1795».

В изложении исторического материала автор использует традиционно принятую в польской историографии периодизацию соответственно периодам правления королевских династий и королей, чья личность и политическая деятельность в значительной мере определяли систему управления государством, внешнеполитические приоритеты, взаимоотношения сословий. Вместе с тем разделы, посвященные развитию науки, литературы и искусства, основаны на периодизации, принятой в истории культуры.

Хронологическому объему и целям исследования соответствует конструкция монографии. Она открывается Вступлением, которое имеет важнейшее значение для понимания концепции и содержания исследования. Здесь содержится обоснование хронологических рамок и периодизации работы, а также характеристика историографии, в которой главное место отведено исследованиям двух последних десятилетий. Вполне закономерно, что начальным пунктом исследования обозначен не 1569 (дата Люблинской унии), а 1572 г., поскольку именно бескорольеве, наступившее после смерти Сигизмунда II Августа, открыло новый этап в соотношении властных структур Речи Посполитой и создало условия для проверки правовых основ унии и функционирования федерации.

Работа построена по проблемно-хронологическому принципу и состоит из двух частей. Каждая часть включает разделы, подразделы и десятки параграфов, что позволяет подробнейшим образом рассмотреть все стороны жизни государства и общества в разных регионах Речи Посполитой. Данная структура, а также вынесенные на поля в виде фонариков ключевые понятия значительно облегчают изучение как всего труда, так и его отдельных сюжетов.

Первая часть монографии «Государство — общество — культура». Она носит обзорный характер и посвящена общей характеристике правовых и политических основ устройства Речи Посполитой, эволюции экономики, социальной структуры, культуры и идеологии на протяжении двух веков. В первом разделе этой части автор характеризует геополитическое положение государства, его «плавающие» границы, природные условия, административное устройство. Рассматривая регионы федеративного государства (Великую и Малую Польшу, Мазовше, ВКЛ, Королевскую Пруссию, прибалтийские и придунайские лены), автор обращает внимание на быструю территориальную экспансию Речи Посполитой и сравнивает ее «зернистую» структуру с монархиями австрийских и испанских Габсбургов.

Исключительно важное значение для понимания методологии исследования имеет второй раздел первой части — «Устройство и система правления». Не случайно он начинается с критического анализа терминологии, которая употребляется для характеристики государственно-политического и общественного строя Речи Посполитой. Автор совершенно справедливо отмечает, что в исследовательской литературе накопилось немало несоответствий и противоречий, происходящих из отождествления формы государственного устройства и способов управления государством. Вместе с тем вряд ли возможно ограничиться универсальным определением, которое содержало бы исчерпывающую характеристику сложного и во многом уникального политического образования, каким являлась Речь Посполитая, поскольку ее государственное устройство подвергалось значительной трансформации.

Уже с начала XVI в., после Радомского сейма (1505), сословная монархия «*Corona Regni Poloniae*» эволюционизировала в направлении парламентской республики. В это время в актовом материале употребляется название «*Rzecz Pospolita Polska*», а с 1569 г. — «*Rzecz Pospolita Obojga Narodów*». Рубежом в ее политической истории стали «Генриховы артикулы» (1573). Они закрепили те начала государственного устройства (избирательный принцип замещения трона, контроль над деятельностью монарха со стороны сенаторов-резидентов, право шляхты на рокоши и конфедерации), развитие которых впоследствии привело к падению Речи Посполитой. Однако созданная в XVI в. политическая модель, характеризующаяся выраженными признаками парламентаризма, демонстрировала устойчивость и дееспособность вплоть до начала эпохи Просвещения. Однако термин «парламентская республика» применим лишь к характеристике Польско-литовского государства XVI — первой половины XVII в. и не соответствует политическим реалиям более позднего времени, когда законодательная деятельность сеймов находилась в состоянии коллапса, а короли Саксонской династии обходились вообще без поддержки сейма. Отходя от историографических клише и абстрагируясь от меняющейся политической идеологии, автор использует термин «смешанная монархия» («*monarchia mixta*»), поскольку на верхней ступени государственной власти находились король, сенат и шляхта. Однако соотношение этих сил менялось в зависимости от авторитета монарха, а также от конкретной внутренней и внешнеполитической ситуации. Поэтому и этот термин применим лишь для характеристики государственно-правового устройства Речи Посполитой до второй половины XVII в. По мнению самого автора, его эрозия во время правления Михаила Вишневецкого превратилась в фактическую анархию, когда при формальном сохранении институтов «смешанной монархии» важнейшие функции управления государством осуществлялись за их пределами.

Ограниченную сферу использования, на наш взгляд, может иметь и определение Речи Посполитой как «свободной республики» («*libera respublica*») по образцу Венеции, Голландии, Англии, к которым причисляла свое государство шляхта. От этих государств, занимающих выгодное геополитическое положение, развитых в промышленном отношении, Речь Посполитая отличалась открытыми границами, аграрным характером экономики, монопольным положением шляхты во всех сферах государственной и общественной жизни, что на практике не могло обеспечить республиканских свобод и привело к падению государственности.

Парламентская республика с избираемым королем во главе носила ярко выраженный сословный характер в том смысле, что защищала интересы лишь одного сословия — шляхты, которая в единственном числе была представлена в сейме. Социальная функция Польско-литовского государства отражена в названиях «шляхетская Речь Посполитая» или «шляхетская демократия» (XVI — первая половина XVII в.) и «олигархическая республика», «магнатская олигархия» (вторая половина XVII — XVIII в.). Данное многообразие терминологии отражает многомерность подходов и политологических оценок, позиций и точек зрения исследователей на правовую, политическую и социальную структуру Речи Посполитой.

С середины XVIII в., по мнению автора, Речь Посполитая вступила на путь формирования конституционной монархии. Это был период усиления польской государственности. Первым шагом в этом направлении являлись реформы начала правления Станислава Августа Понятовского, а конечным пунктом — постановления Четырехлетнего сейма и Конституция 3 мая 1791 г. («*Ustawa rządowa*»). Новые политические начинания были попыткой вывести польско-литовскую государственность из длительного кризиса и доказывали, что государственная система Речи Посполитой была способна к трансформации. Однако они являлись лишь альтернативой приближающейся агонии, а не ведущей тенденцией политического развития. Для усиления абсолютизма в Речи Посполитой не было достаточно широкой социальной платформы. Этому препятствовала мощная магнатская оппозиция, опиравшаяся на консервативные слои шляхты и режим иностранного протектората. Поэтому деятельность Великого сейма была связана с риском российской интервенции (не случайно сейм был объявлен конфедерационным). Таким образом, именно начало и направленность преобразований спровоцировали вмешательство агрессивных соседей, а впоследствии — разделы.

В последующих разделах первой части подробно рассматриваются институты управления государством, органы центральной и местной власти, их компетенции, полномочия и функции как в обычное время, так и в периоды бескорольев и конфедераций. Глубокому анализу подвергнуты также судебная и финансовая системы и организация вооруженных сил. Значительное место автор отводит освещению вопросов религии и церкви в поликонфессиональном государстве: преобладающей роли костела, соотношению разных христианских церквей — римско-католической, протестантской, православной (ортодоксальной, русской). Безусловно верно утверждение автора, что век Просвещения в Польше был окрашен клерикализмом. Поскольку католицизм имел статус государственной религии, а

главным союзником деятелей этого периода было просвещенное духовенство, автор использует емкую характеристику — «Просвещенный католицизм».

Пятый раздел первой части посвящен развитию экономики. В качестве параметров экономического развития автор выделяет его этапы, аграрный характер экономики, зависимость от рыночной конъюнктуры Европы, региональные особенности. Характеризуя эволюцию экономики страны на общеевропейском фоне, автор выделяет четыре фазы: 1) падение хозяйственной конъюнктуры и начало экономической депрессии (конец XVI — первая половина XVII в.) вследствие «монетарного кризиса» (падения стоимости монеты); 2) упадок экономики в ходе общеевропейского кризиса и военных действий на территории Речи Посполитой, прерывающийся короткими периодами оживления (вторая половина XVII — 20-е годы XVIII в.); 3) экономическая стабилизация во время правления Саксонской династии (30 — 50-е годы XVIII в.); 4) системные реформы последней трети XVIII в.

Такой подход является наиболее удачным. Он раскрывает специфику польской экономики, ориентированной на экспорт зерна, при весьма низкой урбанизации и слабости промышленности. Закономерно, что краткосрочный экономический подъем начинается во второй половине XVI в., когда по второму Торуньскому миру (1466) Польша вернула Поморье, и через Гданьский порт в Европу потекло дешевое польское зерно. С этого же времени начинается быстрый подъем фольварков и феноменальный рост доходов процветающей шляхты.

Кризисные явления в экономике переживали и западноевропейские страны. Однако в централизованных монархиях их последствия удалось быстро преодолеть и даже использовать для стимуляции и модернизации экономики. В Речи Посполитой они приобрели затяжной характер, провоцировали экономическую стагнацию и регресс, который длился до конца существования государства. Автор подчеркивает, что в условиях слабости центральной власти, при отсутствии всякого интереса элекционных королей к экономическим проблемам в течение двух столетий так и не сложилась последовательная экономическая политика, а прогрессивные европейские доктрины (меркантилизм, камерализм) интересовали узкие группы образованного мещанства и магнатории. Эти явления вели к стихийным процессам в экономике и были одной из причин общего кризиса и деградации Речи Посполитой.

С характеристикой экономики непосредственно связан анализ демографических процессов и социальной стратификации Речи Посполитой, а также этнического и конфессионального состава ее населения на всем хронологическом пространстве ее существования.

Седьмой раздел — «Общественные связи и условия жизни» — интересен не только в научном, но и в познавательном смысле. Раскрыта яркая картина повседневной жизни людей, принадлежащих к разным социальным и этническим группам. Эта картина складывается из характеристики многообразных общественных связей (родственных, семейных, эт-ноконфессиональных), условий, стиля и стандартов жизни, ценностных категорий. Раздел содержит материал по истории материальной культуры, этнографии, хранит колорит эпохи.

Завершается первая часть монографии всесторонним рассмотрением этапов, направлений и форм развития польской культуры. Традиционная классификация моделей культуры (шляхетская, мещанская, крестьянская), которая сложилась в марксистской историографии, не позволяет, по мнению автора, исследовать явления и процессы в этой области в их взаимодействии и динамике. Критерии, предложенные автором, основаны на сфере функционирования различных типов (моделей) культуры и выводят ее изучение за сословные рамки: 1) элитарная культура королевского и магнатских дворов, а также патрициата крупных городов, основанная на эталонах космополитизма; 2) шляхетская культура (сарматизм) широких кругов шляхты и части мещанства; 3) мещанская (патрицианская, городская) культура, представляющая альтернативу сарматизму; 4) массовая (популярная) культура низших слоев горожан, противопоставленная официальной культуре и идеологии в обоих вариантах — сарматском и патрицианском; 5) народная (традиционная) культура, распространенная в среде крестьян, населения небольших городов и местечек, части мелкопоместной шляхты.

Данная классификация легла в основу характеристики стилей и направлений в литературе и искусстве (барокко, рококо, классицизм), их специфики в регионах государства и развития с конца XVI до конца XVIII в. Автор отмечает, что основным вектором развития культуры являлась полонизация, сопряженная с экспансией польской социально-политической модели. Эти процессы в перспективе должны были привести к формированию единого народа-шляхты на основе общей идеологии. Средством формирования была полонизация. Первая часть монографии основана на новых методологических принципах и составляет концептуальную основу для анализа большого фактического материала второй части.

Вторая часть монографии «Политические события». В ней даются оценки основных тенденций и процессов развития политической культуры общества. Она представляет большой интерес и в плане социально-политологического анализа, поскольку поднимает проблему польского абсолютизма как специфического института шляхетской демократии, не имеющего аналогов, исследует причины политических кризисов, общественных конфликтов, гражданских войн и рокошей, ставших постоянным политическим пейзажем Речи Посполитой.

В пяти разделах данной части автор в хронологической последовательности рассматривает внутривосточную ситуацию и внешние акции Польско-литовского государства. Изложение начинается с развернутой характеристики положения Речи Посполитой на европей-

кой политической карте, отношений с соседями и изменения границ. Автор отмечает основные направления внешней политики, доставшиеся Речи Посполитой в наследство от Ягеллонов — борьба за господство на Балтике и противостояние крымско-османской агрессии. Оба вектора были напрямую связаны с позицией России, которая с конца XV в. не скрывала своих притязаний на белорусские и украинские земли, а затем и на Ливонию. Поэтому к названным полюсам внешней политики следовало бы добавить и восточный вектор — подавление России как главного соперника на востоке Европы. Эту задачу, как и «Балтийскую проблему», должна была разрешить Ливонская война, открывшая череду польско-русских военных конфликтов, длившихся почти столетие. Во время первого и второго бескорольевых кандидаты на польско-литовский трон подбирались с перспективой победы над Москвой, о чем убедительно свидетельствует содержание «Pacta Conventa» Генриха Валуа и Стефана Батория. В это время внешнеполитические позиции Польско-литовского государства казались очень прочными. Оно являлось крупным игроком в европейской политике и соперничало с Габсбургами за лидерство в регионе. Однако эти позиции не удалось сохранить.

После заключения Ям-Запольского мирного договора, который, по сути, являлся капитуляцией Москвы, польская сторона не рассматривала Россию как серьезного политического противника. В течение двух десятилетий оба государства находились между миром и войной. Параллельно с планами новой войны, к которой активно готовился С. Баторий, автор рассматривает и проекты заключения личной унии с Москвой и создания обширной восточноевропейской федерации. В ходе первого и второго бескорольевых (1572—1574, 1574—1575) решался вопрос о том, где (в Москве или Варшаве) будет находиться ее политический центр. Представляется, что династические унии являлись одним из важных внешнеполитических инструментов польских политиков и преследовали цели не только укрепления международных позиций Речи Посполитой, но и ее территориального расширения.

Эту же тенденцию ярко отразило третье бескорольевое (1586—1587). Характеризуя политический багаж претендентов на корону Польши и Литвы, автор справедливо отмечает, что в избрании Сигизмунда Вазы самыми вескими были доводы международного характера: возможность заключения польско-шведской династической унии, строительство мощного военного флота на Балтике, инкорпорация Эстонии, мир с Османской империей.

Династическая уния со Швецией не могла осуществиться главным образом из-за территориальных споров, возникших еще во время Ливонской войны, в частности о принадлежности Эстонии. Ее передача Речи Посполитой была одним из главных условий избрания Сигизмунда Вазы, и отказ шведского правительства его выполнить лишил элекцию всякого смысла. Заметим, что ни одна из возможных перспектив в случае избрания шведского кандидата не была реализована, но в комплексе они создавали основу направленного против России польско-шведского союза, который мог содействовать наступательной политике Речи Посполитой на востоке и достичь успеха, достигнутый в Ливонской войне.

Однако и эти планы были провалены. Элекция, совершившаяся в 1587 г., как и в случае с Генрихом Анжуйским, привела к избранию короля, которого судьба наследственной короны интересовала больше, чем трон Речи Посполитой, и сделала ее заложницей чужих династических амбиций. Поэтому за избранием последовали постоянные конфликты как в Речи Посполитой, так и в Швеции, а кроме того, и длительные войны между государствами, не принесшие успеха. Династические связи со Швецией навязали Речи Посполитой такие направления внешней политики, которых в иной ситуации могло не быть. Однако они стали определяющими на весь период правления королей династии Ваза.

Во втором и третьем разделах второй части содержится развернутая характеристика внутренней и внешней политики Сигизмунда III и его сыновей — Владислава IV и Яна II Казимира. Она основана на анализе и сопоставлении целого ряда факторов: соотношении политических элит в Польше и позиции сейма, конфессиональных противоречиях, внешнеполити-

ческих интересов, состояния экономики. Оценивая события этого периода и политику Сигизмунда III, автор избирает единственно верную точку зрения: соотношение потенциально возможного и реализованного. Он отмечает, что личность и политика Сигизмунда III по-разному, а отчасти противоречиво охарактеризованы в историографии. Одни исследователи оценивают его правление в целом позитивно, подчеркивают заслуги в развитии культуры и церкви (Х. Виснер). При этом отмечается, что король нередко оказывался жертвой стечения обстоятельств, на которые не имел ни малейшего влияния. Другие утверждают, что «избрание представителя дома Габсбургов было бы меньшим злом для Речи Посполитой» (М. Косман). Так структура и логика изложения событий подводят читателя к вопросу о том, существовала ли альтернатива негативным явлениям в политике Сигизмунда III. Ответ на этот вопрос лежит в плоскости социально-политического устройства Речи Посполитой. Политическая монополия шляхты лишала короля полномочий, обрекая его на фактическое безвластие.

Планы, которые польская шляхта связывала с избранием шведского принца, и его роль в управлении государством были откровенно сформулированы уже на коронационном сейме Яном Замойским (которому он был обязан избранием), назвавшем Сигизмунда III «нашим немым идолом, импортированным из Швеции на зло Габсбургам». Несмотря на незаурядные личные качества и абсолютистские амбиции, попытки усилить центральную власть, ликвидировать в сеймовой практике «liberum veto», увеличить армию и пополнить государственную казну не только не удалось, но и вызвали кровавый рокош, разросшийся в гражданскую войну (1606). Причины этих неудач коренились не столько в некомпетентности Сигизмунда III, сколько в системных пороках государственного устройства, находившегося в состоянии «политического склероза». Легитимных путей усиления собственной власти у королей Речи Посполитой не было. Подавить вооруженное сопротивление недовольной шляхты можно было лишь с применением иностранных войск. Подобная практика имела место при королях Саксонской династии и была связана с риском вмешательства соседних государств.

Правление Владислава IV, по оценке автора, являлось одним из самых благополучных в истории Речи Посполитой. Его заслугой являлась поддержка хрупкого равновесия внутри государства и позиция нейтралитета в крупных европейских конфликтах. Речь Посполитая смогла отстоять Смоленск. Мир с Москвой (1634) и Швецией (1635) на время прекратил длительные войны. Однако это было «затишье перед бурей», которая разразилась при Яне II Казимире. Именно в этот период во всей остроте проявились катастрофические последствия внешней политики его отца, а после заключения Оливского мира (1660), Андрусовского перемирия (1667) и Бучачского мира (1672) привели к кардинальному изменению положения Речи Посполитой в балансе политических сил в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европе. Авантюрная политика на востоке (первая и вторая «Дмитриады», претензии на московский трон) привела к резкому обострению отношений с Москвой, которая считала делом чести вернуть Смоленск, а впоследствии получила Киев и Левобережную Украину. Десятилетия кровопролитных войн со Швецией логически завершились опустошительным Потопом. Союз с Габсбургами обострял отношения с Турцией. Вследствие отказа от активных действий на западе Восточная Пруссия, объединившись с Бранденбургом (1618), ликвидировала ленную зависимость от Речи Посполитой и превратилась в суверенное государство (1657), со временем ставшее инициатором разделов и поглотившее этническую Польшу

Таким образом, во время правления последнего короля из династии Ваза все нити внутренних и внешних конфликтов сплелись в опасную сеть, в которую были втянуты и внешние силы — Крым, Турция, Швеция, Москва и Пруссия. Характеризуя итоги его правления, автор приводит оценку современников, которые интерпретировали его инициалы ICR (Ioannes Casimirus Rex) как *Initium Calamitatis Regni* (начало несчастий королевства). Эта объективная оценка отражает процесс прогрессирующего падения престижа королевской власти, неспособность правящей элиты контролировать огромные территории, дезинтеграцию и па-

ралич законодательной власти. Из субъекта международной политики Речь Посполитая стала превращаться в ее объект. Вспомним, что проект раздела впервые возник во время восстания Б. Хмельницкого.

Эти процессы достигли апогея при короле Михале Корибуте Вишневецком и отражали симптомы трансформации шляхетской демократии в анархию или даже «охлократию» (Й. Шуйский). Подавить магнатскую оппозицию, преодолеть или хотя бы приостановить кризисные явления не удалось и королю Яну III Собескому. Следует подчеркнуть, что его политика недостаточно полно изучена в русскоязычной историографии. Одной из причин, возможно, является то обстоятельство, что в этот период Россия не имела таких тесных контактов с Польшей, как это было при Вазах. Поэтому

характеристика правления Яна Собеского в рецензируемой монографии представляет для нас большой интерес.

Главы, посвященные правлению Яна III Собеского, логически и структурно завершают третий раздел, озаглавленный «Время кризиса и восстановления». В них развернута широкая панорама европейских отношений и основных внешнеполитических векторов Речи Посполитой. Главное место в них занимала борьба с Османской империей. Вместе с тем определение приоритетов во внешней политике Яна III Собеского представляло сложную амплитуду и колебалось от союза с Габсбургами и войн с Османской империей до заключения мира с Портой и Москвой и удара по Бранденбургу, которого король Ян считал главным врагом Польши. Несомненно, эти зигзаги внешней политики Яна III Собеского отражали необходимость борьбы с внешними угрозами, исходившими из разных сторон горизонта. Однако в первую очередь они объясняются политическими интригами западноевропейских государств, опасавшихся агрессивной Турции. Так, империя и папство были заинтересованы в сохранении перманентного польско-турецкого конфликта, в ходе которого обе стороны ослабляли бы друг друга, отводя угрозу от владений Габсбургов. В то же время они не были заинтересованы в активной политике Польши в балтийском регионе и, опираясь на магнатские группировки, ориентированные на Австрию и угрожавшие королю детронизацией, торпедировали проект борьбы с Бранденбургом за возвращение Королевской Пруссии.

Ян III Собеский вошел в польскую историю как «гроза турок». Его блестящие победы под Хотином (1673) и Веной (1683) остановили османскую экспансию на юго-востоке Европы, они окрыляли поляков, но потерянных по Бучачскому миру земель вернуть не удалось. Потенциальные союзники Речи Посполитой в борьбе с османами (Австрия, Венеция, папство) образовали Священную Лигу (1684), к которой в 1686 г. примкнула Россия. В том же году после длительных переговоров Речь Посполитая и Россия подписали «вечный» мир. Он подтверждал территориальные изменения, зафиксированные Андрусовским перемирием, а также признавал «вечные и нерушимые» права России на Киев, свободу вероисповедания для православного населения Речи Посполитой и давал право российскому правительству защищать своих православных единоверцев (чем Россия и воспользовалась позднее). Эти статьи «вечного» мира были платой за вступление России в Священную Лигу. Союз с Москвой состоялся и начал влиять на историческую судьбу Речи Посполитой. Однако, как подчеркивает автор, в конце XVII — первом десятилетии XVIII в. этот союз не был доминирующим.

Пятый раздел второй части, озаглавленный «Борьба за сохранение независимости», посвящен правлению Саксонской династии (1697—1763). Этот период характеризуется многими исследователями как наиболее униженный, когда ее историческая судьба была полностью подчинена чужим интересам, а трон стал разменной картой в дипломатических играх европейских политиков. Автор подчеркивает, что причины этого политического тупика коренились во внутреннем состоянии Речи Посполитой. Ее прогрессирующая политическая и военная слабость не являлась секретом для соседей и превращала ее в перекресток политики европейских держав, ареной их столкновений в борьбе за сферы влияния. Если Речь Посполитая все еще сохранялась как независимое государство и ее не подвергали разделу, то это не

означало ее внутренней стабильности, а было лишь результатом соперничества соседей, которое до известного времени парализовывало их захватнические планы.

Вместе с тем, как отмечает автор, несчастья Речи Посполитой были связаны и с внешними факторами — изменением баланса политического влияния крупных европейских стран. Поэтому данный раздел открывается безупречно (с позиции истории международных отношений) выстроенной характеристикой политической ситуации в Европе. Позицию Речи Посполитой в европейских отношениях Урсула Аугустыняк оценивает как «кризис независимости». Она совершенно справедливо отмечает, что новая расстановка сил, наметившаяся еще в конце XVII в., оформилась в результате двух крупных европейских конфликтов — войны за испанское наследство (1701—1714) и Северной войны (1700—1721). В них возникла новая ось политических союзов на западе и востоке европейского континента.

Главные изменения проявились в возникновении и утверждении новых империй — Австрии, которая унаследовала часть владений испанских Габсбургов и укрепилась в Венгрии, и России, получившей выход в Балтийское море. Их позиции усиливались союзом (1726), формально направленным против Турции, но на практике имевшим широкий спектр действия. Быстро росли политические и военные амбиции Пруссии, которая в 1701 г. объявила себя королевством. Франция, соперничая с Австрией и Россией, стремилась установить между ними барьер, чтобы не допустить их гегемонии в регионе и сохранить прежнее влияние в Речи Посполитой.

Если кому-то еще нужны были доказательства того, что Речь Посполитая стала неуправляемой, теряя самостоятельный голос в европейской политике, то их доставило бескорольевье 1696—1697 гг. Главным кандидатом на трон выступал французский принц Конти, у которого были самые сильные позиции. Кроме денег и даров, на которые не скупился французский посол в Польше, симпатии к французскому ставленнику вызвала перспектива при поддержке Франции выйти из бесконечной и унижительной войны с Турцией.

Однако Австрии и России было невыгодно терять союзника, пусть слабого, но отвлекающего на себя значительные турецкие силы. К тому же обе державы меньше всего желали политического усиления Польши за счет Франции. Поэтому Австрия и Россия выдвинули своего кандидата — саксонского курфюрста Фридриха Августа. Молодой Петр даже грозил ввести войска в Литву, если будет избран французский принц. Так в итоге международных политических интриг саксонский герцог Фридрих стал королем Речи Посполитой под именем Августа II, прозванного Сильным. Его внешний имидж (редкая физическая сила, репутация смелого и талантливого военачальника) вызывали воспоминания о «славном короле Яне» (Собеском) и привлекали к нему часть шляхты, которая со временем составила Сандо-мирскую конфедерацию 1705).

Рассматривая политическую программу короля, автор очень точно замечает, что «если бы шляхта Речи Посполитой ориентировалась в ситуации в Саксонии, то до элекции Августа II определенно бы не дошло». Странник абсолютизма в духе Людовика XIV, игнорирующий права сословий, рассматривал избрание на польский трон как способ укрепления собственной династии и Саксонии в Империи, рассчитывая со временем занять ее трон. Такой же точной является характеристика Августа II как саксонского курфюрста на троне Речи Посполитой, правившего с позволения России. Союз с Саксонией сам по себе не был вредным для Польши. Вина Августа II была в том, что во время его правления Речь Посполитая не только была втянута в фарватер российской внешней политики, но превратилась в зону российского контроля над ее внутренним состоянием.

Урсула Аугустыняк отмечает, что современники в целом негативно оценивали правление Августа II, не прощая ему попыток внедрения абсолютизма в Речи Посполитой, планов раздела государства, Преображенского (1699) и Нарвского (1705) договоров с Россией, вовлекших Речь Посполитую в Северную войну, вопреки ее интересам, и вызвавшей раскол в

обществе и упадок в экономике. Эти стереотипы легли в основу современной историографии. Вместе с тем реформы, которые пытался провести Август II (ликвидация режима «золотых вольностей», установление наследственной монархии), несомненно, имели прогрессивное значение. Они были провозглашены (к сожалению, только на бумаге) Конституцией 3 мая 1791 г. Однако в первой трети XVIII в. они были политическим призраком, угрожавшим «свободной республике» и ее «свободному народу». Возмущение шляхты вылилось в Тарног-радскую конфедерацию (1715), спровоцировало вмешательство России и иссякло на сейме, получившем выразительное название «Немой» (1717). «Немой» сейм символизировал трагическую ситуацию, в которой оказалась Речь Посполитая. Это было началом российского протектората.

С этого времени судьба Польско-литовского государства зависела от России, и любые попытки структурных преобразований могли осуществляться только с санкции Петербурга, а потому были обречены. Именно по этой причине сторонники реформ («фамилия») установили тесные контакты с «молодым двором» (будущим императором Петром III и его женой Екатериной) и благодаря поддержке России достигли влияния. Отмечая некоторую стабилизацию экономического положения Речи Посполитой при Августе III и возникновение реформаторского течения в польском обществе, оценка правления Саксонской династии (III раздел второй части) является негативной. Автор отмечает, что в восприятии потомков «*Czasy Saskie*» стали синонимом упадка и преддверия разделов.

Большой интерес представляет V раздел монографии — «Падение Речи Посполитой», поскольку его причины и последствия весьма неоднозначно освещались и освещаются в историографии. Этот период хронологически совпал с правлением Станислава Августа По-нятовского, и автор верно замечает, что за его поддержку России пришлось заплатить гораздо большую цену, чем за избрание Августа III, подразумевая конец российского протектората.

Фундаментом политики Станислава Августа было сотрудничество с Россией, которая, по его мнению, должна была помочь в проведении реформ государственного устройства, вопреки внутренней оппозиции, отстаивавшей «золотые вольности». Россия должна была также защитить Речь Посполитую от агрессии Пруссии, направленной на захват северных и западных земель Польши. Эти расчеты, однако, не оправдались. Слабый и малоэнергичный правитель («*Król Staś*», как фамильярно его называли современники и потомки) был прекрасно образованным человеком, покровителем искусств, галантным кавалером и пользовался расположением Екатерины II. В то же время ни личного авторитета,

ни политической поддержки в Речи Посполитой он не имел и не мог стать серьезной опорой и для России. Мощным протестом, направленным против пророссийской политики Станислава Августа, явилась Барская конфедерация, ориентированная на помощь извне и создавшая ситуацию, которая, по мнению автора, привела к первому разделу.

Ключом к пониманию внешних обстоятельств разделов является характеристика положения Речи Посполитой в Европе (пятый раздел второй части). В середине XVIII в. Речь Посполитую, наравне с Турцией, называли «больным человеком». Ее болезнь усугубляли соседние державы, сопротивлявшиеся всякой терапии. Самые сильные позиции в Речи Посполитой занимала Россия. Однако она, как верно подчеркивает Урсула Аугустыняк, «не видела в ней союзника, не получила твердой поддержки политических элит...», стремилась превратить Польско-литовское государство в своего сателлита» и опорную военную базу для грядущих войн с Турцией. Эти планы не встречали понимания в Пруссии, а Фридрих II намеревался, по его собственному выражению, постепенно «съесть всю Польшу, как капусту, листок за листком». Австрия, не имевшая столь же сильной армии, как Россия и Пруссия, вела сложные дипломатические игры с Турцией и ждала своего звездного часа.

Этот час настал во время русско-турецкой войны (1768—1774). Победы России и ее наступление на Балканах вызвали беспокойство европейских держав, в том числе и

союзников — Пруссии и Австрии. Стремясь не допустить усиления России в балканском регионе, Австрия вступила в войну на стороне Турции, а Фридрих II предлагал план «успокоения ситуации в Европе за счет Речи Посполитой». План «сдерживания» России противоречил ее интересам. Россия стремилась к разделу Османской империи, но в то же время пыталась сохранить свое влияние в Речи Посполитой, не деля его с другими державами. Однако для обеспечения своих внешнеполитических амбиций у России не хватало сил. Уступая давлению Берлина и Вены, Екатерина II согласилась на частичный раздел. Таким образом, этот вопрос был перенесен в практическую плоскость.

Очень обстоятельно автор рассматривает внутреннюю ситуацию и внешнее положение Речи Посполитой между первым и вторым разделами. Из всех партнеров по разделу особенно усилилась Пруссия, стремившаяся к дальнейшей аннексии польских земель. Политической активности Пруссии должно было противостоять соглашение России с Австрией (1781), которое предусматривало сохранение в Речи Посполитой порядка, определенного сеймом 1773 г., и целостность ее тогдашней территории. Сближение России с Францией также создавало противовес политике Пруссии и попыткам новых аннексий польских земель. Россия готовилась к продолжению борьбы с Турцией и была заинтересована в сохранении «status quo» на западных границах.

Позиция короля Станислава Августа была реалистичной. Он понимал, что рассчитывать на помощь западных государств против соседей-агрессоров бессмысленно и в перспективе придется искать соглашения с ними, уступая в территориях. Однако он надеялся на то, что участники разделов помогут ему усилить центральную власть в Речи Посполитой. Надежды не оправдались. Политика Екатерины II сводилась к тому, чтобы сделать конфликт короля и магнатов перманентным, и это, в конечном счете, привело ко второму разделу, в чем Россия не была заинтересована.

Следует учитывать, подчеркивает автор, что Россия сама в значительной степени толкнула патриотическую партию на путь реформ, согласившись на заключение союзного трактата с Речью Посполитой. Для его подписания был созван чрезвычайный сейм, причем в целях успешного принятия решений императрица «соизволяла» на организацию конфедерации. Этим воспользовались польские патриоты для проведения преобразований вопреки России.

После первого раздела сформировалось новое поколение поляков, убежденных в необходимости реформ государственного устройства как единственного средства спасения Польши. От лица этих реформаторов обращался к соотечественникам Станислав Сташиц со своими «Предостережениями» для Польши. Гуго Коллонтай, Юлиан Урсын Немцевич своими обличениями сознательно обостряли внутреннюю политическую атмосферу. Они же стали идейными вождями Четырехлетнего сейма (1788—1791), принявшего первую конституцию в Европе (3 мая 1791 г.).

Их решимости способствовала декларация прусского правительства, содержащая протест против проекта польско-русского союза как направленного против Пруссии. Кроме того, Пруссия предлагала заключить союзный договор с Речью Посполитой. Впечатление от декларации было огромно. Впервые одно из государств — участников раздела выступало против России, что фактически означало окончание российского протектората. Чтобы поддержать эти настроения сейма, прусский король на границах с Польшей сконцентрировал войска, готовые гарантировать целостность Речи Посполитой. Действия прусской дипломатии автор характеризует как откровенную провокацию, рассчитанную на то, чтобы вызвать у Екатерины II как можно большее недовольство и внутренними делами, и внешней политикой Польского государства. Как только эта цель была достигнута, Пруссия

цинично отвернулась от Польши. Отвечая недоумевающим и ссылающимся на договор польским дипломатам, Фридрих II утверждал, что не считает себя обязанным спасти Польшу от последствий Конституции, «принятой без его ведома и участия».

В глазах царской бюрократии Великий сейм безнадежно скомпрометировал себя. Его контакты с французским Народным собранием считались основанием для подавления «международной революционной конспирации». Умеренные польские либералы были объявлены «учениками якобинцев». Эта позиция Екатерины II была реализована с помощью традиционного средства — конфедерации, которая развернула свои знамена в Тарговице (май 1792), отвергала Конституцию 3 мая и призывала в Польшу российские войска для защиты «золотых вольностей».

Деятельность Великого сейма автор справедливо оценивает как важнейший этап в борьбе поляков за сохранение государственности и характеризует как «парламентскую революцию». Это определение, на наш взгляд, очень точно раскрывает суть происходящих событий. Несомненно, что Конституция 3 мая имела революционный характер. В то же время «революция» осталась благим порывом и не вышла за стены сейма. Ни одна из его группировок даже не поставила вопрос о единственном действенном способе отпора «тарговичанам» — призыве народа к защите Конституции и независимости страны.

Больше того, сейм возложил на Станислава Августа (примкнувшего к тарговичанам и предавшего Великий сейм) командование вооруженными силами, а свою работу прекратил на время военных действий. Больше ему не пришлось собраться. «Революционеры» не были последовательны в защите Конституции. Польские войска терпели поражение и отступали. Решающее значение имел не только численный перевес российских войск, но и колебания польских офицеров. Многие из них переходили на сторону Тарговицкой конфедерации, уходили в отставку или уезжали за границу (генералы Костюшко, Понятовский, Зайончек).

Несомненно, принятие демократической конституции было выдающимся событием не только в истории слабой и в политическом отношении архаичной Речи Посполитой, но и в истории Европы. Ее оценка, как считает автор, может быть верной лишь с позиции ее значения как начала будущих реформ, а не их завершения. Этот документ соединял в себе все прогрессивные тенденции и выражал интересы не только шляхты, но большинства народа. В то же время реформы Великого сейма были запоздалой попыткой изменить историческую судьбу народа в критический для него момент, когда «скальпель хирурга уже готов был расчленить человека только потому, что он плохо себя чувствовал, невзирая на его попытки выздороветь» (Norman Davies).

Последним актом сопротивления было восстание 1794 г. На фоне многочисленных исследований, посвященных восстанию Т. Костюшко, монография Уршули Аугустыняк выделяется всесторонним анализом идеологии повстанцев. Автор подчеркивает, что в основе радикальных взглядов Т. Костюшко и его эмигрантского окружения лежали контакты с якобинским правительством революционной Франции, на помощь которой тщетно надеялись руководители восстания. Революционные лозунги «шляхетских якобинцев», диктаторский режим и террор вылились в массовые казни руководителей Тарговицкой конфедерации и противников Конституции 3 мая в Варшаве и в Вильно (май 1794 г.). Все это оттолкнуло от участия в восстании широкие слои шляхты и негативно сказалось на ходе восстания, которое не стало международным. Поражение восстания неизбежно влекло третий раздел.

Исследование Уршули Аугустыняк завершает Заключение, в котором поставлен вопрос, ради которого написана монография: «Почему пала Польша?» Несомненно, ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Автор отмечает, что до середины XVII в. Речь Посполитая не являлась чем-то исключительным в ряду европейских государств. Однако со второй половины столетия в ее социально-экономическом и политическом развитии стали проявляться деформации, которые привели к формированию и консервации уродливых форм на фоне укрепления рыночных тенденций в Европе. Неразвитость внутреннего рынка, доминирование сельского хозяйства над промышленным сектором экономики вылились в XVIII в. в «магнатский меркантилизм».

Отсутствие абсолютизма в Польше, по мнению автора, не являлось аномалией по сравнению с Западной Европой, поскольку сам по себе абсолютизм механически не гарантировал прочности государства. Однако во всей истории Речи Посполитой не было ни одной успешной попытки усиления центральной власти. Шансы на успех убывали по мере возрастания роли магнатов, блокировавших любые преобразования, которые затрагивали «золотые вольности». Их сословные интересы были успешно использованы соседними державами.

Акты агрессии случались на протяжении всей европейской истории. Но данный случай был исключительным. В центре Европы в течение нескольких десятилетий подвергалось ампутации и, наконец, исчезло огромное государство, что не вызвало никаких заметных откликов на международной арене (внимание европейских политиков было направлено на Францию). Ответственность за разделы лежит на их участниках. Автор подчеркивает, что идея раздела Польши, возникшая в Бранденбурге еще в XVI в., стала своего рода исторической традицией германской дипломатии и, последовательно развиваясь, была реализована. Однако лишь согласие России было условием разделов и позволило их осуществить.

Оценивая значение разделов, Урсула Аугустыняк останавливается не столько на их морально-нравственной стороне, сколько на политических последствиях и подчеркивает, что за узурпацию исключительной роли в Европе партнеры по разделам заплатили цену, несоизмеримую с полученной выгодой. Она приводит объективную и горькую характеристику В. О. Ключевского, который отмечал, что Речь Посполитая являлась пусть и слабой, но посредницей между тремя сильными соседками. Если бы позволили реформировать ее политический строй, как пытались это сделать наиболее дальновидные люди той эпохи, она могла бы стать барьером между Россией и пробивавшейся изо всех сил на восток Пруссией. С падением Речи Посполитой столкновения между тремя державами уже не ослабляются никаким международным буфером и негативно отзываются на России. Данная оценка не утратила значения и сегодня. Именно после разделов возник так называемый «польский вопрос», который поднимался польскими патриотами и обсуждался европейскими политиками разного уровня вплоть до начала XX в. Данный взгляд на причины, обстоятельства и последствия разделов содержит объективную оценку, лишённую политических пристрастий и идеологических наслоений. Труд Уршули Аугустыняк является серьезным и глубоким научным исследованием и требует вдумчивого и неспешного прочтения. Он знакомит читателя с новыми методологическими принципами изучения истории Речи Посполитой, сложившимися в польской историографии в последние десятилетия.

Монография заслуживает самой высокой оценки как по методу исследования, так и по логически выстроенному фактическому материалу, аргументации и выводам. Книга снабжена таблицами, схемами и великолепным справочным аппаратом. Он включает хронологию важнейших событий, обширную библиографию по разделам, указатель имен и географических названий. Многие сюжеты, изложенные автором, имеют самостоятельное значение и требуют специального рассмотрения. К ним относятся вопросы развития культуры в Польше и Литве, яркие портретные зарисовки королей и политических деятелей, их оценки современниками и потомками, богатые историографические экскурсы.

История Речи Посполитой имеет непреходящее научное значение и занимает центральное место во всей польской истории, поскольку наиболее отчетливо отражает проблему генезиса, характера, форм национальной государственности, формирует национальное самосознание. Ее анализ с современных позиций может служить бесценным опытом для политических прогнозов и оценок. Белорусская полонистика довольно молода, и, формулируя собственное видение истории Речи Посполитой, она может и должна опираться на богатые историографические традиции польских исследователей.

Статья поступила в редакцию 7 июня 2009 г